

ваться монетой» (161). Отсюда без каких-либо комментариев делается следующий вывод: «Все эти истины дадут нам происхождение языков и букв, а также происхождение иероглифов, законов, имен, родовых гербов, медалей, монет и, наконец, языка и письменности, на котором говорили и в котором было записано первое естественное право народов» (там же). Как мы видим, теория изложена довольно компактно. На этот раз затрудняет не излишнее многословие, а чрезмерный лаконизм. «Отсюда видимая странность его результатов»²⁶. Чтобы восстановить пропущенные звенья рассуждения, воспользуемся техникой прочтения, практикуемой самим автором. Вико «всегда перечитывал лучших писателей трижды» (482).

Теперь вернемся к трем «неоспоримым истинам» и попытаемся установить «единство составных частей, а затем их связь и последовательность». Из приведенных отрывков видно, что прежде всего Вико формулирует свой общий взгляд на язык. Подобно тому как между графическим изображением (буква) и реальным звуком нет никакой другой связи, кроме как условной, между языковым выражением и идеей существует тоже условная связь, и в этом смысле язык оказывается системой (без современного значения термина) знаков, выражающих определенные идеи. Если концепция знаковой природы языка является для Вико фундаментальной аналогией, а не поэтической метафорой, то, очевидно, и вопрос о происхождении языка должен формулироваться в общесемиотическом плане и решаться в рамках если не теории, то, по крайней мере, философии знака.

Как нетрудно убедиться, «три неоспоримых истины» Вико обладают единством плана содержания, так как характеризуют универсальную способность человека использовать материальные предметы для обозначения внеположенных им сущностей, иными словами, способность изображать символы и умение использовать их для различных целей, а именно: 1) как способ передачи идеи (сообщение), 2) для выражения определенных социальных отношений (собственность) и в качестве гарантии их устойчивости, 3) как продукт обмена (меновая стоимость). Эти три типа знаков («выражение — содержание»), наделенных различными функциями, расположены в определенной последовательности — в порядке эволюции отношения «означающее — означаемое»: от естественной и нерасчлененной связи между вещью и идеей (ср. «нераздельное единство» означаемого и означающего в концепции Потебни) до денежного знака, где связи действительного происхождения оказываются полностью «снятыми». Все эти положения позволяют Вико сопоставлять как однотипные такие системы, как язык жестов и религиозные обряды, геральдику и поэзию («в героических гербах заключена вся теория поэзии», с. 508), простонародные языки и военные знаки разноязычных и поэтому «как бы немых наций».

Артикулированная речь возникла «посредством ономотопеи, которую, как мы всегда это можем наблюдать, счастливо выражают себя дети» (171). Античный принцип «подражания природе» как универсальный источник всего возвышенного служит для Вико мотивацией того, что звук может нести значение, и в дальнейшем развитии теории строится как этапы формирования значения у звукового комплекса. Первые слова должны быть односложными, это подтверждается тем, что даже дети, «рожденные при современном богатстве языков и имеющие чрезвычайно нежный инструмент для артикулирования, начинают с односложных слов» (175). Подобно тому как естественные звуки являются знаками, свидетельствующими о состоянии природы, человек может выражать свои эмоции в звуках, поэтому на следующем этапе «продолжали образовываться человеческие слова посредством междометий, т. е. слов, артикулированных при вспышке неистовых страстей; во всех языках они односложны» (172). «Затем стали образовываться местоимения, так как в междометиях разрешаются

²⁶ Мишле Ж. О системе и жизни Вико. Пер. с франц. Харьков, 1896, с. 5.